

Каким впервые предстал передо мной Борис Николаевич? Высокий, стройный. У него правильные, тонкие черты лица, на одной руке не достает нескольких пальцев, которые оторвало ему в детстве. Но благодаря своему характеру — волевому, напористому — он добился больше, чем многие с крепкими кулаками.

Не все с радостью восприняли избрание, а вернее, назначение Бориса Николаевича первым секретарем обкома вместо уехавшего в ЦК КПСС Я.П. Рябова. Яков Петрович мог прочитать текст доклада, не меняя в нем ни одной запятой. Правда, это вовсе не значит, что он был не требовательный, просто он мало обращал внимание на форму.

Борис Николаевич работал над выступлениями как поэт, шлифуя каждую фразу, каждое слово. Кто-то ставил это ему в вину. Я же при этом вспоминаю: читай не так, как пономарь, а с толком, с чувством, с расстановкой! К великому сожалению, этому нас нигде не учат, кроме, пожалуй, театральных институтов.

Ему, как и многим, остро не хватало гуманитарной культуры. ВПШ ее не добавляла, конечно. Поэтому некоторые, как Ельцин, пытались восполнить этот пробел самообразованием. Но времени катастрофически не хватало! Поэтому мы с пониманием писали на записках, адресованных во время различных выступлений Б.Н. Ельцину, о том, что он читает: Оруэлл, М. Булгаков и т.д.

О руководителе прежде всего судили (и еще судят!) по тому, как выступает, «держится» на трибуне. Насчет докладов в партийной среде к тому времени ходил анекдот. Поручил секретарь отделу подготовить выступление на пятнадцать минут. А когда выступил, получилось сорок пять. Пригласил к себе заведующего: «В чем дело? Почему переборщили?!» А тот в ответ смущенно: «Дак вы же три экземпляра прочитали...»

Б.Н. Ельцин, как я показал на примере телепередачи, работал над докладами сам. Однако, ни на одном совещании или партсобрании обкома партии Ельцин, прежде чем стать секретарем, ни разу не выступил, как человек инакомыслящий. У него, как и у всего аппарата, было нормативное мышление. И меняться оно стало, как и у всех, в конце семидесятых годов, когда мы стали задумываться: а так ли живем?

Однако возникают некоторые вопросы. Почему Ельцин порвал с партией, и не просто порвал, а запретил ее деятельность после августовских событий 1991 года? Вопрос другой, еще более существенный. Представьте

себе, что в апреле 1985 года генсеком избирают не Горбачева, а Ельцина — стал бы последний разгонять партию? Я задавал этот гипотетический вопрос многим моим знакомым, студентам и везде мнение было практически единодушным: ни в коем случае! Скорее, он «почистил» бы ее от скомпрометировавших себя, коррумпированных кадров (эта работа уже была начата Ю.В. Андроповым), как в Китае, и пошел бы дальше, «укрепляя» дисциплину, общественный порядок.

В прессе нередко изображают Б.Н. Ельцина горьким пьяницей. «Безответственный пропойца», — так хлестко охарактеризовала Б.Н. Ельцина недавно в интервью в Париже писательница Т. Толстая. Защитим, в порядке объективности, нашего земляка.

В принципе мы никогда своего шефа в непотребном виде не встречали. Можно предположить, что как и все много и тяжело работающие мужики, он иногда расслаблялся в кругу своих, но этого никто не видел.

А вот то, что произошло с Борисом Николаевичем дальше, в Москве... Возможно, началось перерождение личности. Особенно когда Б.Н. Ельцин стал «президентом всяя Руси...»

Кстати, не без помощи москвичей, людей во многом двуличных: сначала безудержно восхвалявших диссидента Ельцина, а потом отшатнувшихся от него с презрением.

Как бы ни было, жизнь убеждает в том, что одними постановлениями, хорошими намерениям и добрыми словами мир не изменишь. Нужны и люди решительные, не боящиеся поначалу вызвать град оскорблений и даже гонения, то есть личности пассионарные, но не деструктивные...

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ В СТАНОВЯЩЕМСЯ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В. В. Уфимцев

Уфимцев Виктор Владимирович — доктор социологических наук, доцент, проректор по научной работе Уральского института коммерции и права.

«Горожане сильно изменились... внешне
...появились...трамваи, автомобили...
Но меня, конечно, не столько
интересуют автобусы, телефоны
и прочая... аппаратура...
...изменились ли эти горожане внутренне?»
М.А. Булгаков
«Мастер и Маргарита».

Использование понятия «информационное общество», впрочем, как и «индустриальное», «постиндустриальное» общество, освобождает западных теоретиков от употребления термина «демократическое общество», поскольку не все

совпадает в их теоретических конструкциях с реальной действительностью постколониальных и постсоветских стран. Поэтому и был выбран данный нейтральный термин, ни к чему не обязывающий.

Но, так или иначе, идея информационного общества остается сегодня весьма популярной, а соответствующий термин широко применяется в философских, социологических и экономических работах.

Термин «информационное общество» введен в научный оборот в начале 60-х годов фактически одновременно в США и Японии Ф. Махлупом и Т. Умесао. Данный термин положил начало теории, развитой такими известными авторами, как М. Порат, И. Масуда, Т. Стоуньер, Р. Катц и др.¹

С начала 80-х годов интерес к проблемам изучения постиндустриального общества стал ослабевать, а внимание многих социологов оказалось переключено на концепции информационного общества и теорию постмодернизма.

Идея информационного общества, делающая упор на технические и информационные стороны организации современного общества, — это ветвь концепции постиндустриализма. Развитие информационных технологий стало в значительной степени определять экономический потенциал государства в современных условиях. В этих условиях формирование концепции «информационного общества» было предопределено. И данная концепция при всех ее недостатках позволила сделать шаг вперед по сравнению с теорией постиндустриализма.

Но как считают некоторые авторы, «идея информационного общества в силу ее излишней заикленности на технологических проблемах развития общественного производства вряд ли могла претендовать на характер целостной социальной теории»².

В современных условиях технологический, духовный и социальный прогресс чаще обозначают еще более нейтральным термином «модернизация». Хотя к условиям российской действительности данный термин, как впрочем, и термин «информационное общество», можно применять с относительной долей условности. На наш взгляд, именно роль и значение человека как субъекта материального производства и информатии, человека, расположенного к социальной или, наоборот, к антисоциальной активности, определит основные характеристики социальной системы XXI века. Поэтому и в эпиграф настоящего доклада вынесены слова Воланда, известного персонажа романа «Мастер и Маргарита». Не так важно, как изменилась техника и источники распространения информатии. Ключевой вопрос — как изменился в этих условиях человек? Вот что главное.

Что касается российского общества, оно переживает один из самых трудных и драматических периодов в своей истории. Некоторые ученые-правоведы утверждают, что Россия вступает в эпоху информационного общества, присущего странам Запада. Безусловно, в современных условиях в определенных секторах российского общества, определенных анклавах можно обнаружить некоторые черты, присущие информационному обществу. Но не более того. Крупномасштабные и очень стремительные в историческом плане изменения фундаментальных правил (писаных и неписаных), действовавших на протяжении многих десятилетий в жизни российского общества, породили широкую криминализацию этого общества.

Отказ от прежних законов и правил, несовершенство нового законодательства усугубили,

на наш взгляд, отставание России в правовом развитии, поскольку не привели к более высокому уровню правового сознания основной части населения страны. А жизнеспособность правовой системы определяется уровнем правосознания основных групп и слоев общества. Вот что писал русский философ Иван Ильин относительно отечественной интеллигенции, слепо верящей «в пригодность и даже спасительность западноевропейских государственных форм для России: «Они так и не поймут... что республика и федерация требуют особого правосознания, которого многие народы не имеют и коего нет и в России».³

Апофеозом и итогом нашего неолиберального перехода к гражданскому и информационному обществу стали события 9 июня в Москве, когда после информационной трансляции в центре города футбольного матча с чемпионата мира, распоясавшиеся толпы молодчиков устроили настоящие погромы в столице. Тому, как изменились москвичи за годы «демократического» правления, удивился бы сам Воланд.

Таким образом, переход к информационному обществу — это не только прогресс, но и проблематичное, рискованное предприятие со множеством ловушек и тупиковых ответвлений.

Как все это могло случиться? Почему такой плачевный продукт перехода к информационному обществу мы получили (события 9 июня — это своеобразный итог десятилетнего перехода)? В условиях модернизации политической и правовой системы страны с конца 80-х годов стремительно стали набирать силу центробежные тенденции. И это несмотря на то, что российское законодательство стало стремиться к европейским стандартам, а Конституционная комиссия российского съезда народных депутатов (секретарь — Олег Румянцев) готовила самую «демократичную» Конституцию, переписывая туда всё, как казалось разработчикам, самое лучшее из текстов европейских и заокеанских конституций. Но... всё закончилось войной (холодной и горячей) суверенитетов, господством к концу 90-х годов не права, а «мафиозно-компрадорской плутократии». И как итог — формирование дополнительных разновидностей силовых структур, образование семи федеральных округов во главе с полномочными представителями Президента России. И это не случайно. Поскольку вопрос стоит следующим образом: либо превратиться в криминальное государство, где преступность не только устанавливает свои «понятия», подменяющие закон, но и стремится к захвату рычагов государственной власти, либо стать цивилизованной и просвещенной страной, где будут господствовать не «понятия», а воля закона.

Таким образом, становление информационного общества, формирование его правовой системы во многом предопределяется уровнем правосознания населения, повышение которого зависит от целенаправленной деятельности социальных институтов, в том числе государственных.

ВЫВОД: В условиях модернизации политической и правовой системы, перехода к информационному обществу, в условиях либерализации политического режима, его ослабление (политического режима) в тех или иных областях, сферах должно было компенсироваться компетентно построенными механизмами социального управления в этих сферах, что не было произведено. Только таким образом можно направить общественные процессы в социально приемлемое русло и сформировать правовую систему, адекватную сложившимся социальным условиям, не

копируя чужеземные модели.

На это положение надо обратить внимание в дальнейшей деятельности по формированию политической и правовой систем, присущих современному информационному обществу.

1 См.: Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 20—21.

2 См.: Иноземцев В. Перспектива постиндустриальной теории в меняющемся мире // Новая постиндустриальная волна на Западе / Антология. Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С. 38.

3 Ильин И.А. Наши задачи // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Кн. 1. М., 1993. С. 134.

ДИЗАЙН В СОВРЕМЕННОМ ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

С.В. Токмянина

Токмянина Светлана Витальевна — соискатель
Института истории и археологии УрО РАН.

стороны — политико-идеологическая, с другой — индустриально-корпоративная. Дизайн становится источником таких проектов и замыслов, с помощью которых создаются и тиражируются общественные потребности, привычки и пристрастия. При этом дизайн ориентирован не на уникальность духовного потенциала человека, а делает ставку на эксплуатацию инстинктов и эмоций.³ Средства массовой информации и реклама тотально унифицируют человеческую психику с помощью эстетически неотразимого дизайна. Телевидение, Интернет, компьютерные игры формируют в сознании человека иллюзорность бытия, создают фиктивную, виртуальную реальность, искажённый образ действительности. Реальность становится иллюзией, потребности уже не являются истинными, они запрограммированы, вложены в человеческое сознание путём тиражирования образов и предметных форм.

Значительная часть людей перестаёт осознавать то обстоятельство, что постепенно вся их жизнь, весь смысл существования плотно заполняется не импульсами, идущими из глубин личности, а формируется вещами, навязываемыми человеку извне. Не всегда с должной глубиной осмысливается тот факт, что законы, определяющие жизнедеятельность людей, зачастую воплощают в себе волю политиков и собственников капитала, воплощенную в предметах.⁴ Государство и влиятельные бизнесмены широко используют силу эстетического воздействия продукции дизайна как резерва манипулирования индивидуальным миром человека с целью нагнетания потребительства, как средства выкачивания из населения материальных и интеллектуальных ресурсов.

К отрицательным последствиям чрезмерной социальной активности дизайна также следует отнести опасность удовлетворения посредством дизайна любых потребностей и желаний. Человек всё чаще оказывается перед дилеммой: окунуться в море вещей или предпочесть другие мировоззренческие ориентиры, воплощающие в себе духовные ценности.

Характерной чертой политического, социально-экономического, культурного развития современной цивилизации является усиливающееся информационное воздействие на общество и манипуляция общественным сознанием со стороны различных социально-политических институтов. На современном этапе среди важнейших средств, с помощью которых осуществляется манипуляция массовым сознанием, всё большее значение приобретает дизайн. Понятие дизайна рассматривается очень широко. Дизайн — это и художественное творчество, и промышленные технологии, и любые изменения, происходящие в мире.¹ Роль дизайна в формировании современного общества огромна. Это обусловлено тем, что воздействие на людей приобретает особую силу, если воплощено в предметные образы и формы. Дизайн обладает решающим значением в распространении определённых стилей жизни, задает тон действий и мыслей, программы социального поведения и ценностные ориентации, формирует социально-психологические штампы в массовом сознании. Столь широкие возможности дизайна объясняются наличием огромного количества потребителей вещей, а поскольку никто из людей не может избежать этой роли, дизайн становится дизайном социальной среды, дизайном массового и индивидуального сознания. Предмет дизайна всё больше расширяется до проектирования событий, проектирования образа жизни.²

Объективно одной из важнейших социальных функций дизайнера является представление интересов и защита потенциального потребителя. Однако структура дизайна является более многоплановой, подвижной и неоднозначной. В деятельности дизайнера присутствует двухполюсная ангажированность: с одной

¹ Мосорова Н.Н. Философия дизайна, С. 5

² Там же. С.5

³ Мосорова Н.Н. Индустриальный и постиндустриальный дизайн США, С.173-174

⁴ Там же. С. 263-264